

НАУЧНЫЕ ДИСКУРСЫ В КУЛЬТУРЕ АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ И ПРОБЛЕМЫ ОТКРЫТОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Тезисы к докладу

В раннее Новое время можно наблюдать более серьезные, чем сегодня, проблемы недоверия к науке на фоне науки традиции цеховой закрытости. Гуманисты и ученые были недовольны университетами и создавали транснациональные проекты «Республики ученых», основывали альтернативные университетам публичные лекции и открытые научно-образовательные институции, публиковали научные работы, которые должны были разрушить корпоративную замкнутость и монополию на знание. Формирование нового научного знания, названного Френсисом Бэконом «новой философией», сопровождалось падением статуса ученых и научно-образовательных институций, но это положило начало процессу, благодаря которому сформировались новые практики коммуникации и продвижения научного знания, востребованные до сих пор. Стратегии открытости, которые были сформированы в раннее Новое время, легли в основу европейской культуры научного знания. Во время научной революции создавалось множество социальных и научных утопий, и на основе проектов ученых появилась уникальная научно-образовательная среда, открытая для простых горожан.

В основании современной модели открытости научного знания лежат:

- открытый метод, основанный на признании визуального и математического компонентов в процедурах описания, доказательства и валидации знания;
- открытый национальный язык и связанная с ним проблема унификации терминологии;
- открытые формы коммуникации – публикации результатов научных исследований) и взаимодействие с реципиентами научного знания на открытых, в том числе и публичных, коммуникативных площадках.

Тем не менее, в истории культуры проблемы открытости науки не раз были связаны с обсуждением ряда вопросов, связанных с последствиями ее рецепции в культурном

пространстве. Среди этих вопросов можно выделить следующие: в каких пределах и как возможно сделать знание доступным для всех? Как осуществляется взаимодействие между научным и обыденным языком в процессе дискурсивной практики? Какие визуальные, вербальные и институциональные стратегии можно использовать для продвижения знаний в социокультурном и политическом пространстве? Насколько демократичны и самоуправляемы научные институты? В какой мере общество доверяет ученым, и как можно влиять на восприятие открытий обычными людьми?

Возможность наблюдать за анатомированием и опытами, читать научные издания породили встречную реакцию: в европейской и английской культурах раннего Нового времени происходит экспансия научных идей и практик благодаря тому, что ученые переориентируются на публичность, утилитарность и открытость научных достижений для людей и социальных групп, не принадлежащих к ученым и институтам, которые производят, транслируют и сохраняют знание. Горожане не пассивно воспринимали открытия и демонстрируемые эксперименты, они нередко подвергали их критике, артикулировали и сверяли с личным опытом бытия. Благодаря этому взаимодействию постепенно возрастала степень доверия к науке. Уровень критического и скептического восприятия науки, экспансия научных терминов в обыденный язык, восприятие изобретений и открытий в искусствах, которые мы сейчас называем художественными, часто становятся важными свидетельствами степени доступности и понятности знания, доверия к ученым и научным институтам.

Наука институционализируется под высочайшим патронажем, а горожане с учеными становятся инициаторами создания открытых научно-образовательных учреждений. В это время складываются и английские научные институты, специфика которых связана с самоуправлением под эгидой патронажа и с сознательной ориентацией на открытый доступ к научной информации, что нашло отражение в Грэшем-колледже, проектах У. Петти, С. Хартлиба, Я. А. Коменского, частично реализованных в Лондонском королевском обществе.

Но было недостаточно одного желания ученых донести свои открытия и новые идеи до властителей, аристократов, клириков и обычных горожан, важно возникновение ситуации, когда эти социальные слои и группы оказываются заинтересованными в новом знании о мире и человеке, а ученые были готовы сделать его полезным и понятным. Поэтому необходимы были медиаторы, способные перекодировать его на обыденный язык, придать ему риторическое и художественное оформление, которые делали знание привлекательным. Ю. Хабермас отмечает, что изложение научных открытий обычным

языком необходимо для успешной коммуникации не только между публикой и учеными, но и для самих ученых¹. В Англии раннего Нового времени необходимость артикуляции научного знания на обыденном языке была актуальна в связи с тем, что языком науки был латинский, а перевод на английский развивал не только национальный язык, но и формировал научно-теоретическое языковое мышление. Поэтому члены Лондонского королевского общества ставили перед собой задачу говорить на языке торговцев и купцов.

Можно ли говорить о том, что благодаря этим коммуникативным стратегиям формируются сообщества (*community*)? Проблема в том, что в английском языке XVII – пер. пол. XVIII вв. слово «*society*» использовалось в значении «сообщество», а слово «*community*» – для обозначения религиозных общин, и только в сер. XVIII в. «*community*» начинает употребляться применительно к научным сообществам. Для решения этой терминологической проблемы можно обратиться к концепции Р. Рорти, который обозначил словом «*universitas*» группу, объединенную взаимными интересами в достижении общей цели, а «*societas*» — людей, не объединенных общей целью и основанием, чьи жизненные дороги пересеклись случайно². С этих позиций «Невидимый колледж» можно назвать «*universitas*», а общение горожан, патронов и ученых на открытых коммуникативных площадках отнести к «*societas*». Хотя были случаи сотрудничества, например, между профессорами Грэшем-колледжа и горожанами³.

Кроме того, научные изобретения и открытия накладывались уже на существующие в обществе культурные формы, представления и практики, поэтому на научную репрезентацию новых идей оказывали влияние теология, этика, риторика и поэтика. Существенное отличие современного состояния науки от науки XVI–XVII вв. заключается в том, что научная терминология только складывалась и мигрировала из одного дискурса в другой, не существовало жестких дисциплинарных границ не только между отраслями собственно научного знания, но и между всеми свободными искусстваами⁴. Современное узкоспециализированное знание о мире и человеке,

¹ «Чем дальше специализируются исследования, тем большее расстояние должна преодолеть важнейшая информация для того, чтобы влиться в работу экспертов из других научных дисциплин <...> идущая от одного к другому специалисту научная информация должна проходить длинный путь через обыденный язык и обыденное понимание дилетантов. Внешняя для науки общественность оказывается при глубоком разделении научного труда самым коротким путем внутреннего общения отчужденных друг от друга научных специалистов. Но от этой необходимости перевода научной информации ... выигрывает поставленная под угрозу коммуникация между наукой и широкой публикой и политической общественностью» (Хабермас Ю. Техника и наука как идеология / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М., Праксис, 2007. С. 161–162).

² Рорти Р. Философия и зеркало природы / пер. с англ.; науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. С. 235.

³ В результате посещения лекций плотник Ричард Деламен стал преподавателем математики, Р. Хенсен занялся исследованием навигации, капитан Т. Джеймс по поручению Г. Гиллибранта фиксировал лунные затмения в Северной Америке (*Chartres R., Vermont D. A Brief History of Gresham College 1597–1997. L.: Gresham College, 1998. P. 20*).

⁴ См. подробнее: Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование. М. Наука, 1988.

освободившись от теологического влияния и церковной опеки, благодаря опыту и наблюдению за природой раскрыло многие загадки мироздания и обрело свой язык в терминологической точности. Но вместе с религиозностью была утрачена синкретичность, сакральность знания и соответствующий им язык тропов⁵. Истоки этого процесса – в XVI в., который многие из современных фундаментальных наук считают временем своего рождения из теологии⁶.

⁵ Этой проблеме посвящены работы: *Неретина С.С.* Тропы и концепты. М.: РАН, Ин-т философии, 1999; *Аверинцев С. С., Франк-Каменецкий И. Г., Фрейденоберг О. М.* От слова к смыслу: Проблемы тропогенеза. М.: URSS, 2001.

⁶ См.: *Science and Religion: A Historical Introduction* / ed. Gary B. Ferngren. Baltimore (Md.): JHU Press, 2002; *Визгин В. П.* Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки Нового времени // *Философско-религиозные истоки науки* / под ред. П. П. Гайденко. М.: Мартис, 1997. С. 88–141; *Гайденко В. П.* Христианство и генезис новоевропейского естествознания // *Философско-религиозные истоки науки*. М.: Мартис, 1997. С. 44–319; *Катасонов В.Н.* Метафизическая математика XVII века. М.: Наука, 1993; *Николлин Д.В.* Пространство и время в метафизике XVII века. Новосибирск: Наука, 1993.

Рорти Р. Ук. соч. С. 268: «Естественные науки, сами по себе, оставляют нас убежденными в том, что мы знаем, что мы есть и чем мы можем быть — знаем не просто, как предсказать и контролировать наше поведение, но границы этого поведения (в частности, пределы нашей значимой речи). Попытка Гадамера отбиться от требований (разделяемых Миллем и Карнапом) «объективности» в *Geisteswissenschaften* есть попытка предотвращения того, чтобы образование было сведено к обучению результатам нормального исследования. Более широко, это попытка предотвратить рассмотрение аномального исследования как подозрительного только на том основании, что оно аномально. Эта «экзистенциалистская» попытка поместить объективность, рациональность и нормальное исследование в рамки более широкой картины нашей потребности в образовании и наставлении часто сталкивается с «позитивистской» попыткой отличия познаваемых фактов от приобретаемых ценностей». См. например: *Наука – философия – религия: в поисках общего знаменателя* / отв. ред.: П. П. Гайденко, В. Н. Катасонов. М.: ИФ РАН, 2003; Pigliucci M. Who knows what... [08. 10.2012] URL: <http://aeon.co/magazine/world-views/massimo-pigliucci-on-consilience/> (дата обращения: 15.10.2014). Автор говорит о том, что пора положить конец противоборству искусств, гуманитарных и естественных наук, и «настало время говорить не о «слиянии воедино» всех наук, а об их взаимопроникновении и взаимопризнании».